

Жанна Некрашевич-Короткая

TIBI SURGIT OPUS,
LITUANIA PRAESTANS!

Jonas Radvanas, *Raštai=Opera*, iš lotynų kalbos vertė Sigitas Narbutas, Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2009, 375 p.: faksim., iliustr.

Слова, вынесенные в заглавие этой работы, – цитата из героического эпоса *Radivilias, sive De vita et rebus praeclarissime gestis immortalis memoriae illustrissimi principis Nicolai Radivili* (далее – *Радзивиллиада*), центральной части одноименной книги, изданной Яном Карцаном в Вильнюсе в 1592 году. Автор поэмы подписался именем *Ioannes Radvanus*, современные же исследователи называют его *Jonas Radvanas, Jan Radwan* или *Ян Радван*. «Для тебя, о великая Литва, предпринимается [этот] труд!» – так переводятся процитированные в заглавии слова, и они, на наш взгляд, наиболее точно определяют творческое кредо не только вильнюсского поэта XVI века, но и современного нам вильнюсского ученого, сыгравшего определяющую роль в появлении рецензируемой книги. Даже если говорить о научной деятельности Сигитаса Нарбутаса только в области изучения древней литературы Литвы (не упоминая его работ по античной и средневековой литературе), то результаты этой деятельности выглядят впечатляюще. Его исследовательского внимания удостоено большинство самых известных, пожалуй, для литературы Великого княжества Литовского авторов (упомянем только тех, кто писал по-латински): в первую очередь это, конечно, Ян Радван; но, кроме того, Николай Гуссовский, Августин Ротундаус,

Пётр Роизий, Пауль Одерборн, Соломон Рысинский, Лаврентий Боер. Ему принадлежит также ряд работ по истории литературы обобщающего и теоретического¹ характера. Наконец, достоин упоминания его совместный с Дайвой Нарбутене научный проект по созданию и опубликованию списка латинских книг Великого княжества Литовского XV–XVII веков². Появление этого библиографического указателя значительно облегчило работу медиевистов разных стран, изучающих древнюю письменную культуру Центральной и Восточной Европы.

Но все же вернемся к творческому наследию Яна Радвана. В самом ходе исследовательской работы, посвященной сочинениям этого поэта, которую С. Нарбутас ведет начиная с 90-х годов XX века, в последовательности этапов этой работы проявляется хорошая филологическая школа ученого, его безукоризненная научная культура (что в наше время, к сожалению, встречается достаточно редко). Вспоминаю слова российского академика, незабвенного Александра Михайловича Панченко: «Солидный исследователь древней литературы должен вначале издать текст памятника, а уж потом предлагать свои научные интерпретации в отношении этого памятника; в противном случае, все эти интерпретации представляют собой лишь сомнительные концепты (sic!)». Следуя этой филологической традиции, проверенной

¹ Sigita Narbutas, *Lietuvos Renesanso literatūra*, Vilnius: Baltos lankos, 1997; idem, *The Mysterious Island: A Review of 13th–18th Century Literature of the Grand Duchy of Lithuania*, Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2000; idem, *Nuo Mindaugo raštų iki Karpavičiaus pamokslų: XIII–XVIII a. LDK raštijos apžvalga*, Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2000; idem, „Latinitas LDK raštijos raidoje“, in: *Senoji Lietuvos literatūra*, 2006, kn. 21, p. 131–162; idem, „Valdovė ir jos tarnaitės: Lietuvos lotyniškoji raštija dominavimo laikotarpiu“, in: *Senoji Lietuvos literatūra*, 2008, kn. 26, p. 19–54.

² XVII a. *Lietuvos lotyniškų knygų sąrašas=Index librorum Latinorum Lituaniae saeculi septimi decimi*, sudarė Daiva Narbutienė ir Sigita Narbutas, Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 1998; XV–XVI a. *Lietuvos lotyniškų knygų sąrašas=Index librorum Lituaniae saeculi quinti decimi et sexti decimi*, sudarė Daiva Narbutienė ir Sigita Narbutas, Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2002.

многовековым опытом разных национальных научных школ, Нарбутас начал с переводческой и текстологической работы, результатом которой стало издание текста ключевого в творчестве Яна Радвана произведения – поэмы *Радзивиллиада* – в переводе на литовский язык с обширными комментариями, фотокопией оригинала и вступительной статьей³. Уже в этой книге литовский ученый продемонстрировал свой новаторский подход в интерпретации памятника, известного в гуманитарной науке с XVII века. Четкую формулировку идейно-художественной специфики произведения, а также точную оценку его исторического значения находим во вступительной статье из книги 1997 г. «Доминирование земного, – пишет Нарбутас, – придает оригинальность не только образам героев, но и другим элементам художественного пространства *Радзивиллиады*. Эта особенность, а также сцены из величественной истории Литвы, одухотворение природы, миротворческие настроения литовского героического эпоса придают этому произведению значение непреходящей ценности»⁴.

Через год – как суммарный итог огромной текстологической, историко-литературоведческой и теоретико-аналитической работы – выходит монография Нарбутаса⁵. Не вполне правильно было бы сказать, что эта книга посвящена *Радзивиллиаде*: героический эпос Яна Радвана показан здесь, с одной стороны, как своего рода *ἀκμῆ* в развитии эпической поэзии «ливонского» цикла, с другой стороны, – как памятник, тесно связанный с письменной культурой своего времени, отражающий повседневную жизнь людей того времени, очерчивающий исторические пути и

³ Jonas Radvanas, *Radviliada*, parengė, įvadą, komentarus ir asmenų žodyną parašė, vertė iš lotynų į lietuvių kalbą Sigitas Narbutas, Vilnius: Vaga, 1997.

⁴ Sigitas Narbutas, *Tradicija ir originalumas Jono Radvano „Radviliadoje“*, Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 1998.

⁵ Sigitas Narbutas, *Tradicija ir originalumas Jono Radvano „Radviliadoje“*, Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 1998.

судьбы как Великого княжества Литовского, так и соседних с ним государств. Поэтический материал *Радзивиллиады* сравнивается не только с *Энеидой* и *Георгиками* Вергилия, но также с *Хроникой* Мацея Стрыйковского, *Жизнью великого князя Московского Ивана Васильевича* Паулюса Одерборна и другими близкими по времени произведениями. Таким образом, в монографии Нарбутаса *Tradycja ir originalumas Jono Radvano „Radviliadoje“* поэма Яна Радвана показана на фоне широкой панорамы литературной жизни Великого княжества Литовского. Как *Радзивиллиада*, так и ее автор адекватно локализируются в культурном пространстве конца XVI века. С этой точки зрения хочется сравнить монографию Нарбутаса с известной двухтомной книгой Степана Тимофеевича Голубева *Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники (Опыт исторического исследования)*, опубликованной в Киеве в конце XIX века. На наш взгляд, обе эти книги сыграли этапную роль в развитии литературоведческой науки стран Центральной и Восточной Европы.

Всё сказанное выше позволяет более весомо представить рецензируемую книгу – *Сочинения* Яна Радвана, публикация которой была приурочена к тысячелетию первого упоминания Литвы и в подготовке которой (подчеркнем еще раз) ключевую роль сыграл Сигитас Нарбутас. Его предшествующий опыт литературоведческих исследований позволяет *a priori* оценить уровень и значение нового, недавно завершеного научного проекта, осознать глубинный смысл знаменитой античной пословицы *feci, quod potui, faciant meliora potentes* применительно к этой книге. Она состоит из трех основных частей: латинские тексты (в виде фотокопий оригиналов), литовские тексты (переводы Нарбутаса), статья Нарбутаса «Радван в его время и сегодня» („Radvanas apuo metu ir dabar“). Произведения Радвана распределены в каждой из «текстовых» частей книги, соответственно, по разделам: «Стихотворения из разных книг», «Эпиталама», «Радзивилли-

ада». В первом разделе представлены стихотворения Яна Радвана (в основном эпиграммы на гербы), опубликованные в период с 1584 по 1591 г. Адекватна структуре текстовой части книги архитектоника статьи Нарбутаса, правда, в зеркальном отражении: начало статьи посвящено *Радзивиллиаде*, затем рассматривается *Эпиталама* и, наконец, стихи. Говоря о структуре издания, хочу обратить внимание на одну существенную деталь. Если точно следовать принятой в этой книге логике распределения текстов, то именно в раздел «Стихотворения» следовало бы включить эпиграмму Радвана «Чужестранец и Орел», стихотворения декламационного характера, адресованные сыну Николая Радзивилла Георгию⁶, сыновьям Христофора Радзивилла Яну и Христофору, а также стихотворение «Благородному и славному господину Яну Абрамовичу». Однако тексты названных произведений публикуются в разделе «Радзивиллиада» вместе с текстом поэмы, хотя в своей статье Нарбутас выше названные *carmina minora* всё же рассматривает в разделе «Стихи». Это «нарушение» является совершенно оправданным: такое композиционное решение составителя книги продиктовано, скорее всего, его стремлением сохранить целостность при презентации оригинального текста. Дело в том, что пять выше названных стихотворений Яна Радвана (а также прозаическое предисловие «Славному и благородному господину Яну Абрамовичу») относятся к «предисловному комплексу» (термин Владимира Короткого⁷) книги *Радзивиллиада*.

⁶ Во избежание разночтений в антропонимах, неизбежно присутствующих в работах ученых разных национальных школ, все имена приводятся здесь в виде транслитерации соответствующих латинских форм, используемых Радваном. Для имени *Ioannes* во всех случаях (за исключением формы имени великого князя Московского Ивана Васильевича) принимается вариант «Ян».

⁷ Уладзімір Кароткі, „Беларускія прадмовы і пасляслоўі другой палавіны XVI–першай палавіны XVII ст.“, іп: *Прадмовы і пасляслоўі паслядоўнікаў Францыска Скарыны*, укладанне, уступны артыкул і каментарыі У.Г. Кароткага, Мінск: Навука і тэхніка, 1991, с. 8.

Эпиграмма на герб (в данном случае, «Чужестранец и Орел») вместе с изображением герба, посвящением и предисловием к читателю составляли единое композиционно-смысловое целое в книгах XVI в. В этом плане фотокопия оригинала *Радзивиллиады* в литовском издании 2009 г. выгодно отличается от фотокопии, включенной в издание 1997 г., где дан только сам текст поэмы (без герба, эпиграмм, посвящений и предисловия). Досадно в этой ситуации лишь то обстоятельство, что и в новом издании 2009 г. предисловный комплекс книги *Радзивиллиада* всё же представлен фрагментарно. В оригинале в этот комплекс входят еще прозаическое посвящение Христофору Радзивиллу⁸, написанное Яном Абрамовичем, два стихотворения на польском языке („Do Jego Mości Pana Jerzego Radziwiła Woiewodzica Nowogrodzkiego“ и „Do Jego Mości Pana Krzysztofa Radziwiła Woiewodzica Wileńskiego“), подписанные «Jan Kozak Litwin»⁹, а также стихотворение, адресованное Яну Абрамовичу и подписанное «Ioannes Rutski, Eques Lit.» («Ян Руцкий, литовский дворянин»)¹⁰. Рецензируемое издание не даёт также полного представления об архитектонике заключительной части книги, изданной Яном Карцаном в 1592 г. После текста *Радзивиллиады* в оригинале 1592 г. напечатан текст «Погребальной речи в честь Николая Радзивилла» Андрея Волана¹¹ (причем наличие этого произведения в книге прописано даже на титульном листе!). Начиная со 156 (ненумерованной) страницы в книге опубликован ряд поэтических произведений под общим заголовком «Стихотворения разных авторов, [на-

⁸ *Radivilias, sive, De vita, et rebus praeclarissime gestis, immortalis memoriae, illustrissimi principis Nicolai Radivili Georgii filii, ducis in Dubinki ac Bierze [...] libri quatuor*, Ioannis Radvani Lit[uani]; iussu ac auctoritate mag. d. Ioannis Abramowicz, in Worniany [...] Addita est oratio funebris, generosi d. Andreae Volani, secretarii sacrae regiae magestatis, et quorundam auctorum epigrammata, Vilnae metropoli Lituorum: ex officina Ioannis Kartzani, [1592], p. [5–13].

⁹ *Ibid.*, p. [15–16].

¹⁰ *Ibid.*, p. [19].

¹¹ *Ibid.*, p. [143–155].

писанных] по просьбе уважаемого господина Яна Абрамовича». Среди них – не только стихи Яна Радвана (включенные в издание 2009 г.), но также стихотворение Петра Роизия на латинском языке (включенное, соответственно, в двуязычное издание избранных сочинений Петра Роизия¹²), а также стихотворение «Sława» на польском языке¹³. Конечно, отмеченный нами факт ни в коей мере не следует расценивать как критику. Рецензируемую книгу неправильно было бы критиковать за отсутствие в ней выше указанных произведений. Их включение нарушило бы сам принцип издания и противоречило бы его названию: в книге *Сочинения* Радвана тексты, написанные другими авторами, выглядели бы неуместно. С другой стороны, многие из тех текстов, которые включены в книгу *Радзивиллиада*, но не принадлежат Радвану, а потому пока не переизданы, проливают свет на весьма важные обстоятельства, в том числе, сопряженные с личностью и творчеством Яна Радвана. Так, Ян Абрамович в своём посвящении вспоминает, как Александр Великий воскликнул на могиле Ахилла: «Счастлив ты, о юноша, получивший Гомера певцом своей славы». «Пусть же и этот великий героический дух нашего Радзивилла, – продолжает автор, – [никогда] не почувствует, что вместе с ним умрёт и полностью исчезнет из памяти людей всё ему принадлежащее (упаси от этого, о наш Аполлон, не допустите, латинские Музы!)»¹⁴. «Noster Apollo» – традиционное обращение к небесному покровителю поэтов Аполлону, но в то же время – перифрастическое

¹² Petras Roizijus, *Rinktiniai eilėraščiai=Carmina selecta*, iš lotynų k. vertė Rita Katinaitytė, Eugenija Ulčinaitė, Eglė Patiejūnienė, Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2008.

¹³ *Radivilias, sive, De vita, et rebus praeclarissime gestis, immortalis memoriae, illustrissimi principis Nicolai Radivili Georgii filii, ducis in Dubinki ac Bierze [...] libri quatuor*, Ioannis Radvani Lit[uani]; iussu ac auctoritate mag. d. Ioannis Abramowicz, in Worniany, p. [165–167].

¹⁴ Neque ille Heroicus Radivili nostri animus [...] secum omnia sua moritura ac ex omni hominum memoria evellenda existimaret (quod, Noster Apollo veta, Musae prohibete Latinae), см.: *ibid.*, p. [6–7].

указание на самого Радвана. Эта метафора, использованная Яном Абрамовичем, великолепно иллюстрирует слова Юлиуша Новака-Длужевского, который называл Ренессанс «эпохой всемогущества поэтов, избавляющих от смерти события и людей»¹⁵. Однако в приведенном контексте ренессансная идея «бессмертия благодаря поэзии» понимается не как избавление от смерти, а, скорее, как противопоставленность ей. Всё это указывает на то, что в Великом княжестве Литовском латинская поэзия конца XVI века, уже вступившая в эпоху Барокко, долго еще сохраняла приверженность художественным принципам гуманистической культуры эпохи Возрождения. Этот образно-идейный синтез, безусловно, находит отражение и в художественной системе *Радзивиллиады*. Вспомним, с какой тщательностью выписывает Радван уход Николая Радзивилла из земной жизни. Это, воистину, воплощенное в поэтическом тексте чисто барочное паратрагальное действие, в котором участвует и автор, обстоятельно и неторопливо «взвешивающий» все заслуги гетмана перед судом суровой Прозерпины (*Radivilias* IV, 215–327), и сам главный герой, обращающийся к Богу в предсмертной речи (*Radivilias* IV, 389–399), наконец, вся Литва, оплакивающая смерть героя (*Radivilias* IV, 458–474) и даже небожители, принимающие его в свои пенаты (*Radivilias* IV, 475–503).

Значение рецензируемого издания невозможно сформулировать однозначно. Если попытаться определить место этой книги в гуманитарной науке Литвы (а также других стран), то, безусловно, все дальнейшие исследования вокруг *Радзивиллиады* и творчества Радвана непременно должны учитывать это издание. Ведь Нарбутас в своей статье «Радван в его время и сегодня», упомянув в качестве методологического посыла основные положения теории рецептивной эстетики, разработанной почти

¹⁵ Juliusz Nowak-Dłużewski, *Okolicznościowa poezja polityczna w Polsce: Czasy zygmontowskie*, Warszawa: Pax, 1966, s. 195.

полвека назад под руководством Ханса Роберта Яусса (с. 354), очень подробно представил панораму научных исследований, посвященных *Радзивилладе* и другим произведениям Радвана. Он учел практически все основные публикации – с середины XVII века до самого недавнего времени, имеющие то или иное отношение к творчеству поэта, а также к Радзивиллам, интересы которых «лоббировал» в художественной форме Ян Радван. И всё же, на наш взгляд, уважаемый исследователь, высоко оценивая вклад в научную «радваниану» польских ученых Бронислава Надольского, Юлиуша Новака-Длужевского и других, незаслуженно обходит вниманием некоторых литовских ученых того же периода. «Поскольку в героическом эпосе (т. е. в *Радзивилладе* – Ж. Н.-К.) упоминались победы древней Литвы в войнах с Москвией и ее правителями, это произведение можно найти лишь в кулуарах истории советской литературы», – делает вывод Нарбутас (с. 356). Но, несмотря на это, на наш взгляд, кроме тех литовских исследователей, которых называет автор статьи (с. 356–357), как минимум еще двое заслуживают хотя бы упоминания. Один из них – Владас Абрамавичус – еще в 50-х годах прошлого века (когда о *Радзивилладе* молчала официальная *История литовской литературы*, а фрагменты поэмы не были включены в *Хрестоматию истории литовской литературы*¹⁶) свой обзор, посвященный вильнюсским поэтам XVI века, начинал такими словами: «В первую очередь нужно упомянуть поэта Яна Радвана»¹⁷. Конечно, не следует переоценивать эту работу: В. Абрамавичус допускает много неточностей, выдвигает ни

¹⁶ См.: *Lietuvių literatūros istorija*, [t.] 1: *Feodalizmo epocha*, redagavo K. Korsakas, Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla, 1957; *Lietuvių literatūros istorijos chrestomatija: Feodalizmo epocha*, redagavo K. Korsakas ir J. Lebedys, Vilnius: Valstybinė grožinės literatūros leidykla, 1957.

¹⁷ Vladas Abramavičius, „XVI amžiaus Vilniaus poetai: (Iš ruošiamos knygos „Literatūrinio-meninio Vilniaus vaizdai“), in: *Literatūros ir meno metraštis, 1959*, redakcinė komisija: K. Ambrasas [ir kt.], Vilnius: Valstybinė grožinės literatūros leidykla, 1959, p. 339.

на чем не основанные предположения (в частности, о том, что близким другом Радвана был саксонский поэт Иоганн Мылий) и т.д.¹⁸. Но, с другой стороны, в этой статье впервые, пожалуй, в истории литовской литературы прозвучала мысль о глубоком патриотическом чувстве, воплощенном Радваном в его эпопее. «Ян Радван, – писал В. Абрамовичус, – пожалуй, первый поэт, который вдохновенно, с любовью воспел легенду об основании города Вильнюса (сон Гедимина про железного волка), красоты Нямунаса, Нярис, Швентойи и других рек Литвы, наполненные ароматами леса и рощи на их извилистых берегах, зеленые холмы и цветущие долины»¹⁹. В этих словах ученого важна, на наш взгляд, правильная расстановка акцентов, дающая возможность осмыслить *Радзивиллиаду* в русле национальной (именно литовской!) культуры.

Другая работа, о которой хотелось бы вспомнить в рамках данной рецензии, – статья, включенная в третий том девяти-томного издания *История всемирной литературы* московского издательства «Наука»²⁰, автор которой – Костас Корсакас. В этой небольшой по объёму статье поэма *Радзивиллиада* представлена кратко. Однако важно то, что поэма идентифицируется как памятник литовской (а не какой-нибудь другой) литературы, а Ян Радван (К. Корсакас называет его Йонас Радванас) – как литовский поэт. Именно благодаря этому русскоязычному изданию многочисленные ученые бывшего Советского Союза, а также других стран, в свою очередь, восприняли (и продолжают воспринимать) эту научную информацию в таком – литовском! – национальном контексте. И эта позиция литовского ученого К. Корсакаса, на мой взгляд, заслуживает уважения. Нельзя не

¹⁸ *Ibid.*, p. 342.

¹⁹ *Ibid.*, p. 340.

²⁰ Костас Корсакас, „Литовская литература“, in: *История всемирной литературы*: В девяти томах, т. 3, редакционная коллегия тома: Н.И. Балашов [и др.], Москва: Издательство «Наука», 1985, с. 501–507.

заметить, что латинское правило *nomen est omen* играет очень важную роль в научных исследованиях именно в деле национальной идентификации конкретного факта из истории культуры. Правда, иногда оно приводит к совершенно неожиданным (и даже курьёзным) результатам. Так, год тому назад, принимая участие в научной конференции, проходившей в Киевском национальном университете имени Тараса Шевченко, автор этих строк с большим удивлением услышала в докладе украинской коллеги-литературоведа мысль о том, что поэма *Кароломахия* – это, оказывается, памятник шведской (!) литературы. Понятно, что этот вывод был сделан как раз благодаря литературоведам, т.е. на основании широко распространенной гипотезы, согласно которой автором поэмы, изданной в 1606 году в Вильнюце, является уроженец Стокгольма Лаврентий Боер. Однако в случае с *Радзивиллиадой* статья К. Корсакасы сыграла, безусловно, позитивную роль для идентификации поэмы в русле истории литовской литературы и признания этого факта на международном уровне.

К сожалению, даже в наше время, когда великое творение Яна Радвана покинуло «кулуары истории советской литературы», оно не всегда должным образом учитывается в литературоведческих работах, причем, как это ни странно, даже в Литве. Так, в статье «Поэма» из издания *Lietuvių literatūros enciklopedija* поэма (!) *Радзивиллиада* почему-то не упоминается: автор считает, что история литовской поэмы начинается с *Времен года* (*Metai*) Кристийонаса Донелайтиса²¹. При этом в классификации жанровых разновидностей упоминается «эпическая поэма». Но разве есть в истории литовской литературе более типичный образец эпической поэмы, чем *Радзивиллиада*? Может быть, проблема в том, что поэма Радвана написана на латинском языке? Но разве

²¹ *Lietuvių literatūros enciklopedija*, redaktoriai Vytautas Kubilius, Vytautas Rakauskas, Vytautas Vanagas, Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2001, p. 389.

в литературоведческих исследованиях теоретического характера (а статья «Роман» носит именно такой характер) не следует учитывать любые примеры, независимо от того, на каком языке они написаны?

Исследования, посвященные творчеству Радвана и поэме *Радзивиллиада*, в частности, конечно же, будут продолжены. Нельзя не согласиться с мыслью Нарбутаса о том, что стимулом для изучения творчества выдающихся авторов прошлого должно быть не только их происхождение (белорусское или литовское) и не только присутствие в их произведениях реалий, прочитываемых в контексте соответствующей национальной культуры. Обращаться к произведениям этих авторов стоит прежде всего «из-за их высокой художественной ценности, а также из-за того, что в них представлены важные для сегодняшнего дня этические, религиозные, гражданские и другие положения» (с. 358). Действительно, многие произведения признанных авторов XVI века, не имеющие, казалось бы, прямого отношения к истории Беларуси или Литвы, заслуживают внимания читателей в этих странах именно по причине, указанной Нарбутасом. Огромную художественную ценность представляет, к примеру, не только *Песнь о зубре* Николая Гуссовского (которая сегодня считается одним из центральных произведений древней белорусской литературы), но также две другие его поэмы, которые пока, к сожалению, в Беларуси не переизданы. В свою очередь (автор позволит себе небольшое отступление от темы), хочется надеяться, что книга Петра Роизия *Rinktiniai eilėraščiai* будет не последним изданием его произведений в Литве. Безусловно, заслуживают внимания литовского читателя его «Песнь в утешение [...] Сигизмунду Августу» („Ad [...] Sigismundum Augustum [...] Carmen consolatorium“) и в особенности агиографическая поэма «Песнь о святом убиенном понтифике, или Станислав» („Carmen de sancto Pontifice caeso sive Stanislaus“). Именно по этой причине

здесь нужно назвать те тексты (из предисловной и послесловной частей *Радзивиллиады*), которые, будучи включенными в издание 1592 г., по понятным причинам не были включены в издание 2009 г. Тот факт, что эти тексты пока не переизданы, свидетельствует о том, что книга *Радзивиллиада* и соответствующая исследовательская тема имеют дальнейшие научные перспективы в литовской литературоведческой медиэвистике. В этой перспективе видится новый научный и издательский проект, который может быть назван «Ян Радван и его литературное окружение» и который позволит открыть новые горизонты в изучении творчества вильнюсского поэта и его эпохи.

Если говорить о значении рецензируемой книги в общественной жизни (причем не только Литвы, но и других стран), то эту книгу следует рассматривать как очередной, очень важный, этап в осознании той огромной роли, которую сыграл Радван в формировании своеобразной поэтической культуры в Великом княжестве Литовском, а, возможно, даже литературной школы. Об этом, в частности, пишет Нарбутас в связи с анализом *Эпиталамы на бракосочетание [...] Христовора Монвида Дорогостайского и [...] Софьи Ходкевич*. «После Радвана, а, возможно, начиная с Радвана, – отмечает ученый, – ведет отсчет эпоха формирования в Литве независимой оригинальной литературы, наделенной характерными чертами эпохи Барокко» (с. 367).

И всё же основное внимание в статье «Радван в его время и сегодня» справедливо уделяется *Радзивиллиаде*. Несмотря на то, что об этой эпопее писали многие ученые, однако именно Нарбутасу удалось открыть для общественности (в первую очередь, конечно, литовской) не просто частный артефакт древней литературы, не просто творчество отдельного автора, но целый пласт культурно-исторического наследия прошлого, который оказался необыкновенно активно востребован в настоящем. Его заслугу в этом открытии трудно переоценить. И с этой точки

зрения нет никакого преувеличения в том, что факт «возвращения» *Радзивиллиады* в 1997 году, через 400 лет, был в своё время сопоставлен по значению с итогами египетской экспедиции императора Наполеона, проложившей путь к прочтению письменных памятников тысячелетней давности и возникновению египтологии (с. 340). Подобным образом, *Радзивиллиада* является своеобразным ключом для расшифровки не менее затейливых иероглифов отечественной истории, для осмысления особенностей социального и государственного уклада Великого княжества Литовского, для проникновения в повседневную жизнь наших предков, для понимания специфики их менталитета, их патриотизма, их самоопределения.

Понимая, что поэтическая презентация Литвы в начале поэмы вызывает у читателя ассоциации не столько с *Георгиками* Вергилия, сколько с подобными пассажами у других, более современных, авторов, Нарбутас формирует четкое представление о своеобразии «радвановской» концепции патриотизма. «Радван, – отмечает ученый, – впервые развил древний миф о могучей Литве. Римской легендой поэт напомнил литовским читателям об их истоках, а также о том, что, таким образом, история Литвы выступает связующим звеном в истории Европы. Далее он показал связь с Литвой великих князей, других династий, знатных полководцев и могущественных родов этого государства, и именно происхождением этого государства, особенностями его природы, истории, общества объяснял достижения и победы литовцев» (с. 352). Слова автора статьи звучат убедительно не только потому, что они основаны на глубочайшем знании текстов Радвана, не только благодаря стилистической выверенности и логической выстроенности каждого предложения, но еще и потому, что любое своё утверждение Нарбутас подкрепляет «железной» аргументацией. Ярким примером в этом смысле может служить то, как еще в монографии 1998 г. ученый доказал, что

книга *Радзивиллиада* была опубликована не в 1588, а в 1592 году²². Подобным образом, в рецензируемой книге автор выбирает беспроектный способ доказательства того, что *Радзивиллиада* является героическим эпосом: он просто перечисляет названия других произведений, созданных по аналогичной словообразовательной модели – *Илиада*, *Энеида*, *Александриада*, *Стефанеида* и т.д. Но это эмпирическое «соположение» поэмы Радвана с другими литературными шедеврами служит лишь точкой отсчета для ученого в строго последовательной системе доказательств эпической природы *Радзивиллиады*. Нарбутас осуществляет презентацию личности автора поэмы, его литературного и меценатского окружения, показывает широкий исторический фон, на котором разворачивается сюжет, прослеживает историю изучения произведения, указывает на ряд параллелей между эпохой *Радзивиллиады* и сегодняшним днём. И только после всего этого автор позволяет себе сделать обобщение: «По нашему глубокому убеждению, героический эпос может возникнуть и получить признание только в своём государстве и только в то время, когда по разным причинам общество начинает ощущать необходимость в возрождающей силе истории, способной помочь отыскать необходимые пути в тех нестабильных условиях, которые бывают присущи периодам столкновения двух эпох» (с. 358). Этот вывод носит теоретический характер и отличается универсализмом, ибо данный тезис может быть использован применительно к любому памятнику эпической и лиро-эпической поэзии – от *Илиады* Гомера и *Энеиды* Вергилия до *Времен года* Кристийонаса Донелайтиса и *Новой земли* Якуба Коласа.

Проявляя тщательность и скрупулёзность в отборе научных фактов, автор статьи не перегружает читателя лишней информацией. Так, делая краткий обзор истории Ливонской (Инфлянтской)

²² Sigitas Narbutas, *Tradicija ir originalumas Jono Radvano „Radviliadoje“*, p. 11–15.

войны, Нарбутас предоставляет задачу более подробного изучения всех ее эпизодов историкам. «Гораздо больший интерес, – продолжает он, – представляет часто не соответствующее историческим фактам, но соотносящееся с законами искусства, подчиняющееся творческим принципам художественное пространство *Радзивилляды*» (с. 349). Применительно к этой мысли хочется вспомнить здесь другой памятник новолатинской эпической поэзии – *Прусскую войну* Яна Вислицкого, опубликованную в Кракове в 1516 г. Этот героический эпос, разворачивающийся на историческом фоне Грюнвальдской битвы, нигде не упоминается в статье Нарбутаса: автор обращает внимание лишь на «ближайший» с хронологической точки зрения литературный контекст – *Хронику* Мацея Стрыйковского, *Панегирик на взятие Полоцка* Василия Гиацинтя, *Описание Московского похода* [...] *князя Христофора Радзивилла* Франтишка Градовского и др. И всё же, на наш взгляд, поэму Вислицкого и поэму Радвана объединяет незримая связь. Мы не беремся здесь предполагать, является ли эта связь реальной, т. е. был ли Радван знаком с *Прусской войной*. На наш взгляд, это не так уж существенно. В исследованиях современных литературоведов, продолжающих теоретические разработки Ханса Роберта Яусса, присутствует мысль о том, что применительно к вопросу о рецепции художественного текста следует говорить не только о разных группах читателей, «но и о других функциональных подсистемах института литературы, в рамках которого действующие лица и исполнители (правильнее – функциональные роли, акторы) в свою очередь являются носителями или даже хранителями разновременных и разнотипных пластов литературной культуры, канонов интерпретации, стандартов конструктивных приемов литературы, литературных вкусов»²³. В данном случае,

²³ Лев Гудков, Борис Дубин, „«Эпическое» литературоведение. Стерилизация субъективности и ее цена“, in: *Новое литературное обозрение*, 2003, № 59, с. 218.

действительно, есть основание говорить о принадлежности авторов *Прусской войны* и *Радзивиллиады* к одной литературной традиции. При этом, возможно, основоположником данной традиции был как раз Вислицкий. Так, в конце первой книги *Прусской войны* к поэту является Аполлон и даёт ему указания относительно дальнейшего развития сюжета. Таким образом, Вислицкий сделал смелый шаг вперед по сравнению с античными и средневековыми эпиками: поэт не просто обращается за помощью к покровителю искусств, а вступает с ним в непосредственный контакт. Но Радван развивает эту оригинальную идею еще дальше! У него уже не Аполлон, а Мусей вступает в контакт даже не с самим поэтом, а с главным героем – Николаем Радзивиллом (vide: *Radivilias* I, 252 sq.). И, как справедливо отмечал Нарбутас в одной из своих предыдущих публикаций, «придерживаясь советов Мусея, герой *Радзивиллиады* прожил долгую жизнь и совершил множество знаменитых подвигов. Эти подвиги и воспеваются в эпосе»²⁴. Мощная апология идеи единого непобедимого государства, богоизбранность главного героя (короля Ягайлы и гетмана Радзивилла, соответственно), акцентирование его миролюбия – вот далеко не полный перечень мотивов, объединяющих *Прусскую войну* и *Радзивиллиаду*. Но больше всего, пожалуй, бросается в глаза использованный обоими авторами приём «неуподобления» современных им героев признанным в античном мире образцам воинской доблести. Вспомним:

Cui, tu Roma, tuos noli annumerare Camillos,
Marcellum, Fabios et Caesaris optima gesta,
Hectora, Troja, tuum, fortem, Larissa, et Achillem,
Hannibalemque tuum, Carthago superba, ferocem;
Et quos Persae, Arabes, Parthi Graique loquaces

²⁴ Narbutas, *Lietuvos Renesanso literatūra*, Vilnius: Baltos lankos, 1997, p. 52.

Commemorant, retro huic cedant virtutis honore
Egregii et gestis proceres regesque potentes.
(*Bellum Prutenum* II, 505–511)

Античные герои и цари, по мнению Яна Вислицкого, «должны идти следом за ним (т. е., за королём Ягайло) в славе благородной доблести и в подвигах». Невозможно не сопоставить эти строки с финалом первой части *Радзивиллиады*:

CEDite jam Latii Ductores, cedite magni
Mopsopii et Thebae, nullos de pace triumphos
Sciuitis, currus foedastis sanguine eburnos,
Primus hic ex letho servatis hostibus ingens,
Aeternas lauros, et viva per ora triumphos
Rettulit: hinc senibus narrabit gloria seclis
Virtutem, nomenque viri laudesque perennes.
(*Radivilias* I, 922–928)

Последние две строки особенно интересны тем, что в них воплощена двунаправленность временного пространства, его ориентированность как в будущее, так и в прошлое («слава расскажет о доблести древним векам»), и это – черта хронотопа Барокко. Тем временем в *Прусской войне*, где даже *thesis universalis* сосредоточен на образе «славной вести» (*fama felix*; vide: *Bellum Prutenum* I, 1–5) из прошлого об одержанной сто лет назад победе над крестоносцами, время всё же однонаправленно, оно движется только от прошлого к будущему, и это – черта хронотопа Ренессанса.

Конечно, не только *Прусская война*, предшествовавшая *Радзивиллиаде*, но и эпические творения последующих веков могут быть с большей или меньшей степенью достоверности сопоставлены с поэмой Радвана. В конце концов, не так уж важно, какие конкретно литературные параллели упомянуты в статье «Radvanas anuo metu ir dabar». Важно, что рецензируемое издание в целом предоставляет возможность проведения новых сопоставлений и установления других параллелей для нынешних и будущих историков литературы.

Представляя скудные сведения, которые могли бы пролить свет на биографию Яна Радвана, Нарбутас отмечает, что поэт, вероятно, не принадлежал к числу литовской шляхты. «Его имя, – пишет ученый, – не упоминается ни в одном из известных гербовников XVI–XVII века, а также ни в каких других генеалогических сочинениях» (с. 344). Это так, но, с другой стороны, «Radwan» – название дворянского (шляхетского) герба, которым пользовались многие аристократические фамилии как коронных, так и великокняжеских земель²⁵. Известна также идентичная с названием герба фамилия. У Каспара Несецкого читаем: «Radwan herbu Radwan, w Krakowskiem województwie, długo tym imieniem zaszczykali się»²⁶. Может быть, Ян Радван, как и Мацей Стрыйковский, был поляком по происхождению? Вспомним, как внимателен поэт к тому факту, что мать Николая Радзивилла – «из польского рода... девица Колянская» („gente Polona [...] Colanscia Nympha“; *Radivilius* I, 99–100). Предположение о недворянском происхождении Радвана Нарбутас подтверждает тем фактом, что «поэт в *Радзивиллиаде* неоднократно давал перечень добродетелей, к которым нужно стремиться. На первом месте среди них – благочестие, патриотизм, верность, мужество и другие достоинства. Благородному происхождению внимание не уделяется» (с. 344). Но в этом не вполне можно согласиться с уважаемым автором статьи. Благородное происхождение героя в понимании Радвана, это, пожалуй, – своеобразная точка отсчета, априорная константа, наличие которой несомненно предполагает обладание всеми другими выше перечисленными добродетелями. Именно поэтому поэт еще в первой книге, задолго до появления в эпосе Ивана Грозного, дважды упоминает

²⁵ См.: Kasper Niesiecki, *Herbarz polski Kaspra Niesieckiego S.J.: Powiększony dodatkami z późniejszych autorów, rękopismów, dowodów urzędowych i wydany przez Jana Nep. Bobrowicza*, t. 8, W Lipsku: Nakładem i drukiem Breitkopfa i Haertela, 1841, s. 27–29.

²⁶ *Ibid.*, s. 29.

«свирепого» („ferox“) Ивана Овчину-Оболенского (vide: *Radivilias* I, 154–156; 184–188), причем первый раз – в связи с «незаконным браком» („furtivis hymenaeis“; *Radivilias* I, 154), которым он сочетался с великой княгиней Еленой Васильевной (Глинской). Во времена Радвана получила распространение версия о том, что будущий царь Иван Грозный появился на свет именно в результате этой незаконной связи (с чем соглашаются также некоторые современные историки). Возможно, Ян Радван считал эти сведения достоверными, и ущербное происхождение великого князя Ивана Васильевича, таким образом, стало первоочередным аргументом для поэта, чтобы не скупясь на самые отрицательные характеристики, изобразить Ивана Грозного жутким, ни с кем не сравнимым тираном (vide: *Radivilias* II, 14–31; 64–66). Незаконнорожденность – неоспоримый для автора аргумент в деле деэстетизации персонажа.

Аристократизм (именно в «кровном», а не в духовном его понимании) – релевантная при изображении героев характеристика у Яна Радвана. Многочисленные примеры из текста *Радзивиллиады* это подтверждают. Введением к презентации главного героя служит не что иное, как его генеалогия: от римского патриция Палемона через легендарного Эрдзивила гетман Николай Радзивилл является родственником всем великим князьям литовским. Но автор обращает внимание на благородство крови не только главного героя. Вспомним перечень (*catalogus*) участников Чашницкой битвы. Первыми упоминаются братья Ходкевичи, «происходящие из княжеского рода [досл.: от княжеской крови]» („principio de sanguine creti“, *Radivilias* III, 13), Роман Сангушко – тот, «чей род [происходит] от первых литовских князей» („cui genus a primis Litauum Ductoribus“, III, 45), Георгий Остик – «из древнего литовского рода» („veteri Litauum de stirpe“, *Radivilias* III, 52–53), «Богдан, происходящий из рода [досл.: из крови] Соломерецких» („Solomericio Bogdanus

sanguine cretus“, III, 55). «Представляя» Николая Радзивилла перед «Елисейской девой» (Прозерпиной), Ян Радван в первую очередь отмечает, что его герой «шел следом за славой, приводя в соответствие великим добродетелям благородное имя» („laudum momenta secutus || Egregium magnis nomen virtutibus aequans“, IV, 222–223). Итак, исходя из приведенных цитат, осмелюсь утверждать, что аристократизм, благородное происхождение имеют для Яна Радвана большее значение, нежели, к примеру, для Мацея Стрыйковского, а также других современных ему писателей.

Не обладая, к сожалению, достаточным уровнем языковой компетенции для того, чтобы судить об особенностях перевода, позволю всё же себе несколько замечаний на эту тему. В большинстве случаев обращает на себя внимание удивительная точность переводчика в передаче не только смысла, но даже настроения, эмоциональной окрашенности того или иного фрагмента. Вызывает искреннее восхищение исключительно бережное отношение переводчика к тексту оригинала. По переводу Сигитаса Нарбутаса «узнаётся» поэтический памятник XVI века. Переводчик не модернизирует текст, напротив, прибегает иногда к довольно рискованным, на первый взгляд (но, видимо, оправданным художественными задачами), средствам архаизации. Так, устойчивый эпитет из древнеримской поэзии, применяемый к Марсу (*Gradivus*), Нарбутас воспроизводит в аутентичной форме (*Gradivas*), хотя, пожалуй, без соответствующих комментариев это слово вряд ли понятно литовскому читателю, не знающему латинского языка. Впрочем, в комментариях, очень подробных и исчерпывающих, недостатка нет, так что даже не искушенный в премудростях античной образности читатель должен чувствовать себя вполне комфортно среди воссозданных по-литовски Нарбутасом гекзаметров Радвана. Это воссоздание выполнено не менее профессионально, чем всё остальное, что было удостоено внимания талантливого литовского ученого.

Его перевод – не просто эквиметричный и эквилинеарный (что в целом характеризует с лучшей стороны литовскую переводческую школу). Нарбутас стремится с максимальной точностью передать оригинальные авторские образы. Так, разворачивая картину опустошительного продвижения московских войск по землям Ливонии, Радван употребляет эмоциональный образ „templogum faces“ («свечи храмов»; *Radivilias* II, 50), который совершенно адекватно воспроизведен в переводе: «Jūsų bažnyčių deglus». Таких примеров можно привести очень много.

Казалось бы на первый взгляд, не так уж сложно для специалиста сделать дословный перевод с латыни. Но не будем забывать, что этот перевод еще нужно «уложить» в строгую метрическую рамку гекзаметра! К сожалению, иногда эта рамка бывает слишком тесной для современных языков. Это очень хорошо видно на примере текста поэмы Николая Гуссовского *Песнь о зубре* в переводе на белорусский язык Владимира Шатона: многие художественные находки латинского поэта не отражены в этом эквиметричном переводе именно из-за того, что белорусские слова в среднем (как это было доказано лингвистами) оказываются длиннее латинских. По-видимому, такая же проблема существует и в практике перевода на литовский язык. Так, например, в поэтической экспозиции *Радзивиллады* есть очень важные для понимания авторской идеи строки:

Illius immensis ut laus attonsa Livonum
Consiliis, veluti Scythiamque represserit heros,
O memorate Deae: tum vos date candida cives
Omina, nam tibi surgit opus Lituania praestans.
(*Radivilias* I, 27–30)

Нарбутас перевел эти строки так:

Deivės! Priminkite man, kaip Livonijos garbę pakando
jo patarimai geri ir kaip Skitiją tramdė herojus!
Na, o mergelės, tada jūs ženklais palankiais palydėkit
Kūrinį šį, nes jis tau, įžymioji Lietuva, gimsta.

Таким образом, весь этот фрагмент выглядит как традиционное для античной литературы обращение поэта к Музам („Deivès! O mergelès!“), которое завершается обращением к Литве. Вместе с тем, следует отметить, что в последних двух строках Ян Радван использовал фрагмент одной из элегий Секста Проперция, причем очень близко к тексту древнеримского поэта:

Roma, fave, tibi surgit opus, date candida cives
Omina, et inceptis dextera cantet avis!
(Prop. *Elegiae* IV, 1.67–68)

В переводе Льва Остроумова эти строки выглядят так:

Внемли мне, Рим: я пою тебе в честь! Пожелайте успеха,
Граждане, замыслу: пусть справа мне птица поёт!²⁷

Здесь Проперций обращается не только к Риму, но и к гражданам: «о граждане, дайте благоприятные знаки» („date candida cives || omīna“). Это же обращение к гражданам сохранил и Радван: поэту очень важно было подчеркнуть, что его произведение должно способствовать росту патриотических настроений в обществе, активизации самосознания граждан Великого княжества Литовского. Для этого он и обратился к элегии Проперция. Примечательно, что этим обращением к гражданам поэт дополняет обращение к Музам, и это – его поэтическое новаторство. В переводе обращение к гражданам (по-видимому, *metri causa*) отсутствует. Надо думать, что опять же *metri causa* Нарбутас непосредственно передаёт авторские формы гидронимов (в основном, названия рек). Так, в переводе начального фрагмента поэмы он сохраняет транслитерированную античную форму названия реки Днепр – *Boristenis*, но, с другой стороны, использует современные гидронимы *Dauguva* (вместо *Duna* в тексте Радвана, на что Нарбутас указывает в соответствующем комментарии), *Nemunas*

²⁷ Валерий Катулл, Альбий Тибулл, Секст Проперций, Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1963, с. 417.

(у Радвана – *Chronos*; с. 237). Может показаться, что переводчик стремится использовать современные литовские названия именно для тех рек, которые протекают в Литве. Но это не так. *Vilia* в тексте Радвана соответствует форме *Vilija* в тексте перевода (с. 237), во второй книге *Радзивиллады* выражение *cultamque Borysthenis oram* (*Radivilias* II, 383) переводится *Dnepro derlingus laukus*; гидроним *Tanais* (античное название реки Дон) Нарбутас передаёт в современной форме (*per Dona*, с. 249). Конечно, каждый переводчик избирает свою собственную методику, которой определяются, в частности, и принципы передачи названий географических реалий. Но, как нам кажется, именно в передаче топонимов следует соблюдать особую точность, поскольку это относится к характеристике индивидуального авторского стиля того или иного латинского поэта. Так, например, Радван использует современное название одной из крупнейших российских рек – *Volga* (*Radivilias* I, 201 etc.). А ведь еще четверть века тому назад (по сравнению с Радваном) Ян Старыконь Семушовский в своей поэме *Столкновение поляков с москowitzами под Невелем* (Болонья, 1568) использовал античное название этой реки – *Rha!*²⁸ И, если переводчик корректно обходится с гидронимами, то читатель может узнать о тех или иных языковых изменениях даже из текста перевода. Особенно важно, на наш взгляд, обращать внимание на близкий контекст, когда названия (различные или одинаковые) одной и той же реалии представлены в пределах нескольких строк. Нарбутас успешно «разводит» различные номинации Западной Двины, использованные в близком контексте Радваном: *crepidine Dunae* (*Radivilias* II, 457) – *kur Dūnos krantinės kyla; qua rapidusque Rubon praeterfluit* (*Radivilias* II, 463) – *kur bėga strauni Dauguva*. Однако в другом случае Нарбутас неоправданно «разводит» локально близкие идентичные номинации

²⁸ Joannes Semusovius, *Conflictus ad Nevelam Polonorum cum Moschis* auctore Ioanne Stariconio Semusovio, Philomuso Academico Occulto, Bononiae: Ex Officina Mercuriana Ioannis Rossii, [1568], p. [11].

(*Dunaeque fluenta, Radivilias* II, 532, и *in Dunam ferre, Radivilias* II, 535), используя в одном случае древнее, в другом – современное название реки: *ī Dīnos vandenis ritas dalis* (*Radviliada* II, 531–532); *ī Dauguva upē* (*Radviliada* II, 534; с. 276).

И всё же есть один безошибочный критерий, позволяющий оценить мастерство переводчика. Это – его способность воспроизводить в тексте перевода авторские аллитерации: именно это считается «высшим пилотажем» в переводческом мастерстве. И Сигитас Нарбутас этой редкой способностью обладает. Так, например, при описании ужасной картины бедствий Ливонии в результате нападения московских войск Ян Радван для усиления эмоционального воздействия использует аллитерацию на «г»²⁹:

Trux vultus pro vulnere erat, complexibus ipsis
Immoriebantur miseri: sic primula veris
Dona cadunt, ventis si quando perhorruit aether.
(*Radivilias* II, 57–59)

В переводе этот фрагмент выглядит так:

Darkē jū veidā žaizda; glėbiuose nelaimingieji mirė –
šitaip ištinka mirtis pavasario dovanas pirmas,
vos tik erdvė nuo smarkių pasiutvėjo šuorų suvirpa.

Звук «г» в строках Радвана повторяется 12 раз. В тексте перевода – 9 раз, но аллитерация на «г» у Нарбутаса дополняется в двух первых дактилях второй из процитированных строк не менее выразительной аллитерацией на глухие согласные (*šitaip ištinka*) и, таким образом, задуманный автором звуковой эффект успешно воспроизводится в тексте перевода.

В другом случае поэт в гневном обращении к врагу передаёт эффект «ругательности» посредством аллитерации на переднеязычные согласные (в первую очередь на «т»):

²⁹ Буквенные обозначения звуков, на которых основана аллитерация, здесь и далее выделяются полужирным шрифтом.

Mosche, quid exultas? Quae te tam laeta ruina
Praecipitat fortuna?

(*Radivilias* I, 683–684)

В переводе Нарбутаса в соответствующем фрагменте использована блестящая аллитерация на «к»:

Ko tu, Maskvieti, džiaugies? Koks likimas, smagus, kai kas žlunga,
Traukia į dugną tave?

Обратим внимание: на 8 аллитерированных согласных у Яна Радвана – 8 употреблений звука «к» у Сигитаса Нарбутаса! Будто на аптекарских весах, отмерена эта аллитерация в тексте перевода. Конечно, смешно было бы думать, что переводчик сознательно подбирал количество аллитерированных звуков в своём переводе. Этот феномен следует отнести к области «алхимии слова», искусством которой Нарбутас наделен в полной мере от природы, лишний раз доказывая своим филологическим мастерством неоспоримость тезиса о том, что хороший переводчик, как и поэт, *nascitur, non fit*.

Хотелось бы обратить внимание и на полиграфическую сторону издания. Здесь тоже обнаруживаются глубокая продуманность и безупречный вкус. Благородное сочетание черного с золотым – прекрасное цветовое воплощение представления об эпическом таланте Радвана. Иллюстративный материал в статье органично дополняет текстовый, а разные шрифты способствуют концентрации внимания читателя. Следует отметить, что первое использование более мелкого шрифта в статье Нарбутаса связано с библиографической презентацией книги *Радзивиллиада*. Это весьма примечательный факт. Он свидетельствует о том трепетном отношении к КНИГЕ, которое присуще составителю издания. С этого отношения, на наш взгляд, начинается истинный исследователь древней литературы. Та тщательность, с которой Нарбутас описывает экземпляр *Радзивиллиады*, хранящийся в

Библиотеке им. Врублевских Литовской Академии Наук, то, насколько подробно излагает он все сведения о предыдущих владельцах и местонахождениях книги, о ее реставрации, *sua sponte* характеризует автора всех этих описаний, истинного ценителя книги.

В завершение хотелось бы вспомнить о двух романах русского писателя Юрия Домбровского, определивших в XX веке новую веху в истории русской литературы, – *Хранитель древностей* (1964) и *Факультет ненужных вещей* (1978). Критики часто называют эти романы «диалогией свободы». В образе историка Георгия Зыбина Ю. Домбровский показал личность, способную последовательно, независимо от политической конъюнктуры оставаться неизменным хранителем так называемых «ненужных вещей», каковыми могут показаться в наше время (да, по-видимому, могли показаться и в XVI веке) совесть, честь, достоинство. Посредством этого образа русский писатель сформировал представление о том, что свобода государства начинается с «освобождения умов» граждан этого государства, и исторические науки (в том числе история литературы) играют в этом «освобождении» определяющую роль. Если спроецировать блестящие образы Юрия Домбровского на тему нашего обзора, можно сказать, что хранителем драгоценных духовных древностей народов Великого княжества Литовского был виленский поэт XVI века Ян Радван, сумевший воплотить в своей эпосе представление о благородстве и доблести, о бесстрашии и беззаветной любви к Родине. А в XXI веке истинным хранителем древностей *Almae Lithuaniae* выступает в своих научных публикациях, во всей своей научной, а также общественной деятельности вильнюсский ученый Сигитас Нарбутас, превращая в «нужные вещи», в национальное достояние Литвы полузабытые и далёкие литературные шедевры. Этим он продолжает благородное дело своего великого предшественника, которое – и тогда, и теперь – *tau, įžymioji Lietuva, gimsta!*